

— А вот скажите мне, junior's, кто из вас знает, сколько педалей было у «Жестянки Лиззи»?

Майкл и Уинтроп удивленно переглянулись. Вопрос дяди Дэвида был неожиданным. Мало того, что интерес к органам управления первого по-настоящему массового автомобиля, ставшего, кроме этого, еще и легендарным примером крайней дешевизны и утилитарности, проявил человек, носивший фамилию Рокфеллер, так и сама тема разговора была очень далека от автомобилей. Потому что говорили они о демократии...

— М-м-м... две? — предположил Уинтроп. У него был классический 911 Porsche выпуска 1989 года с кузовом targa, так что он считал себя крутым гонщиком и знатоком автомобилей.

Дядя Дэвид усмехнулся и покачал головой:

— Нет, три.

— Оу, это как у машин с ручной коробкой! — догадался Майкл. — Ну точно — тогда же еще не было коробки-автомата.

— Похоже, но не совсем, — покачал головой дядя Дэвид. — У машин с ручной коробкой дей-

ствительно три педали — газ, тормоз и сцепление, но среди педалей «Жестянки Лиззи» не имелось ни газа, ни сцепления.

— Как это? — Парни удивленно переглянулись. Их более старший собеседник улыбнулся и пожал плечами. На самом деле он был им не дядей, а двоюродным и троюродным дедушкой. Но всем в «семье» было известно, что внук основателя династии и первого в истории долларового миллиардера планеты крайне не любил, когда его называли как-то иначе, нежели дядей. Особенно дедушкой или прадедушкой...

— А вот так! — После чего пояснил: — Для того чтобы привести в движение «Жестянку Лиззи», требовалось сначала открыть кран подачи топлива, который был расположен под приборной доской... Кстати, это на самом деле была доска — массивная такая, толстая, покрытая слоем лака... После чего вылезти из-за руля и, зайдя спереди авто, воткнуть в отверстие бампера кривой стартер.

— Что?!

— Это такая изогнутая палка, которая прямо через передний бампер сцеплялась с коленчатым валом. После чего ее требовалось вращать, прилагая при этом немалые усилия, чтобы двигатель в конце концов завелся. И должен вам сказать, это было непросто. А если ты ошибался с положением одной из педалей, которая выполняла функции переключения передач, то «Лиззи» дергалась вперед, как молодая козочка, чувствительно нападывая тебе под коленки.

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

— Да, но...

— Электрический стартер был доступен, но стоил семьдесят пять долларов. Четверть от цены «Форда-Т» в комплектации без него. Как вы думаете, многие его покупали?

— М-м-м... нет, — несколько озадаченно произнес Уинтроп.

— Точно! — Дядюшка благосклонно кивнул и продолжил: — Так вот, после того, как двигатель был заведен, нужно было вернуться на место водителя, включить скорость, для чего как раз и требовалось нажать уже упомянутую педаль, одновременно прибавив подачу топлива рычагом на руле, выполнявшим функцию газа, да-да, вместо педали был именно рычаг на руле... При этом требовалось еще и поиграть с рукояткой установки угла опережения зажигания. Ну, чтобы машина не заглохла... Да, там еще был штекер управления заслонкой карбюратора. Его тоже частенько приходилось использовать. Особенно в холодное время года. — Тут дядя Дэвид замолчал и бросил на сидящих перед ним молодых, а с высоты его возраста, можно было сказать, даже юных родственников, насмешливый взгляд и довольно ехидно спросил: — Ну как, рискнули бы вы сесть за руль этой старой и примитивной машины и с ходу отправиться в путешествие?

— М-м-м... нет, — осторожно отозвался Майкл. А Уинтроп согласно кивнул. Они до сих пор не понимали, зачем это вдруг их старший родственник им все это рассказывает.

— В том-то и дело, в том-то и дело, — усмехнулся дядюшка, явно наслаждаясь их недоумением. После чего замолчал и некоторое время сидел, молча пялясь на стену хижины, сбитой из грубо обработанных деревянных плах, и думая о чем-то о своем. Это была «семейная» хижина Рокфеллеров, построенная еще в прошлом веке, когда их фамилия только начала финансировать сборища Богемского клуба. Хижина располагалась в лагере Stowaway. Таких лагерей в Роще насчитывалось одиннадцать штук. На любой вкус. Впрочем, к настоящему моменту кое-какие предпочтения уже сложились. Скажем, в Hillside обычно заселялись парни из Объединенного комитета начальников штабов, в Hideaway — представители инвестиционных фондов, банкиры, журналисты, подрядчики Пентагона, а в Hill Billies — «умники» из различных «мозговых центров» и университетов... Хотя на самом деле подобное разделение было не слишком строгим. Например, в Sempervirens заселялись калифорнийцы вне зависимости от области, в которой они блистали. А президенты США за долгие десятилетия существования Богемской рощи почтили своим присутствием и Mandalay, и Owls Nest, и даже Stowaway.

— Демократию впервые описал Платон, — внезапно ожил дядя Дэвид. — В одном из своих диалогов. Если я правильно помню — в «Государстве». И произошло это, если мне не изменяет память, еще в начале четвертого века до нашей эры. То есть немногим меньше двух с половиной тысяч лет назад. Как вы думаете, парни, если что-то реально

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

работает гораздо лучше любого другого, ему действительно требуется две с половиной тысячи лет, чтобы вытеснить все остальное?

Майкл и Уинтроп переглянулись:

— Ну-у-у... нет, наверное.

— Именно! — Дядя Дэвид наставительно поднял палец вверх. — А теперь скажите мне, чем вызвано ее победное шествие по всему миру именно сегодня? Через два с половиной тысячелетия после того, как ее придумали и описали... то есть придумали-то ее, естественно, куда раньше. Иначе Платону просто не было бы что описывать. Но не будем заикливаться на датах. Итак?

Майкл и Уинтроп переглянулись очередной раз, потом старший из них, каковым являлся именно Уинтроп, тяжело вздохнул:

— Дядя, прошу прощения, но я окончательно запутался... Я знаю, что вы всегда были ярким и последовательным сторонником демократии. Что вы отдавали всего себя, способствуя всемерному ее продвижению по всему миру. Но ваши последние слова... — Тут он недоуменно пожал плечами.

Дядя Дэвид вновь усмехнулся:

— И где же ты видишь противоречие?

Уинтроп сердито нахмурился. Зато в разговор рискнул вступить Майкл:

— Ну-у-у... как нам кажется, ваша сентенция насчет того, что если бы демократия была бы действительно лучше, то-о-о...

— Вы плохо меня слушали, — прервал своего внучатого племянника представитель старшего

поколения семьи Рокфеллеров. — И это печально. А еще очень печально то, что вы не умеете думать и анализировать. Неужели вы думаете, что я зря вспомнил про «Жестянку Лиззи»? — Дядюшка неодобрительно покачал головой: — Я дал вам все инструменты, но вы уткнулись в тупое сопоставление... Скажите мне, кто будет лучше чувствовать себя в кресле водителя «Жестянки Лиззи»: тот, кто ее давно уже освоил, или кто-то подобный тебе, Уинтроп, привыкшему к тому, что для управления автомобилем достаточно руля и пары педалей?

— Ну, это очевидно, дядюшка...

— Вот именно! А теперь подумайте своими тупыми головами — в каком мире наша семья будет наиболее устойчивой и влиятельной? В мире, который управляется привычными нам «рычагами», «тумблерами» и «педалями», которые мы «переключаем» и «нажимаем» уже больше двухсот лет, или в каком-то другом?

Майкл и Уинтроп замерли и удивленно переглянулись. А затем на их лицах вспыхнуло понимание... но тут их грубо прервали:

— На жертвоприношение! — В полуоткрытое окно просунулась какая-то всклокоченная рожа, которая окинула их слегка осоловелым взглядом и еще раз проревела: — На жертвоприношение! Все на жертвоприношение! — После чего снова исчезла. Но троица, находящаяся в помещении, как будто не заметила появления неожиданного гостя. Дядя Дэвид продолжал молча сидеть, откровенно любуясь на ошеломленные рожи своих

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

младших родственников, до которых вот только сейчас дошло, чем именно вызваны столь знаменитые дядюшкина филантропия и широко известная благотворительность. Нет, понятно, что известность в подобной сфере — это в первую очередь хороший PR. Но PR можно обеспечить с куда меньшими затратами. Дядюшка же тратил деньги весьма щедро, к настоящему моменту даже по самым скромным прикидкам раздав на благотворительные цели не менее полумиллиарда долларов... А ведь он, абсолютно точно, умел считать деньги. Иначе он вряд ли бы сумел занять кресло руководителя «Чейз Манхэттен банка» и уж тем более не смог бы удержаться на этой позиции более двадцати лет... Однако в свете только что озвученной информации становилось понятно, что это вовсе не траты, а инвестиции. Вложения в конфигурирование под себя «органов управления миром»... Сказанное еще, конечно, нужно было хорошенько осмыслить, но уже сейчас и Майклу, и Уинтропу стало совершенно ясно, что идея «поговорить с дядей Дэвидом о демократии» оказалась чрезвычайно плодотворной. Потому что этот не слишком долгий разговор внезапно приоткрыл перед ними ма-а-аленькую дверцу в мир «игр больших дядей». Туда, куда они и сами очень давно мечтали попасть. Однако, как только что выяснилось, даже не подозревали, как он устроен на самом деле. Хотя до этого разговора оба считали, что уже давно до него доросли. И то, что их не допускают до чего-то серьезного, — просто ревность старших родствен-

ников либо чьи-то происки и злая воля недоброжелателей.

— Ладно, подумаете обо всем после. А сейчас нам пора идти на жертвоприношение.

— Дядя, а может... — воодушевленно начал Уинтроп. Но старший родственник не дал ему закончить:

— Нет — идем. Это важный ритуал!

— Но это же просто постановка...

— Идем, идем! — Дядюшка энергично поднялся на ноги и распахнул дверь. Мимо хижины в сторону амфитеатра, не слишком торопясь, даже несколько вальяжно двигались люди — политики, бизнесмены, банкиры, актеры, музыканты, военные... американцы, англичане, арабы, пакистанцы, индийцы, китайцы, русские. Американцев, естественно, было подавляющее большинство. Да и среди остальных очень много было тех, кого можно было считать неамериканцем очень условно. Потому что и дома, в которых они жили большую часть времени, и банки, в которых они хранили свои деньги, и школы с университетами, в которых учились их дети, были американскими. А многие из них даже уже давно оформили и заветное американское гражданство. Так что их «неамериканскость» осталась только в том, что они все еще продолжали оставаться в своих бывших странах значимыми и влиятельными людьми, которых многие в этих странах все еще числили своими. Или, возможно, уже немногие, но из числа самых влиятельных...

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

— М-м-м... дядя, а мы куда? — недоуменно спросил Майкл, когда идущий впереди старший родственник, вместо того чтобы продолжать вместе с потоком людей идти в сторону Совиной поляны, названной так благодаря огромной каменной статуе совы, за десятилетия изрядно заросшей мхом и вьюном, свернул на какую-то узкую тропинку, ведущую внутрь зарослей. Однако этот невинный вопрос внезапно привел дядюшку в раздражение. Он резко остановился, окинул Майкла и Уинтропа сердитым взглядом, после чего повелительно дернул рукой. Мол, идите за мной и ничего не спрашивайте. Парни недоуменно переглянулись и молча повиновались. Спорить с дядюшкой, когда он в раздражении... Ищите дураков!

Тропинка привела на небольшую поляну, окаймленную кругом факелов, на которой был установлен такой же, как и на Совиной поляне, перевернутый крест, к каковому так же было привязано чучело. Причем оно было выполнено куда более реалистично, чем на Совиной. Во всяком случае, очертания тела у него повторяли человеческие куда точнее. Уинтроп огляделся по сторонам и насмешливо усмехнулся. Боже мой, опять эти игры... Вокруг креста с «жертвой» толпилось около десятка человек, одетых в балахоны, похожие на ку-клукс-клановские, либо во что-то сильно напоминающее монашеские рясы с глубоким капюшоном, полностью скрывавшие лицо и фигуру. Впрочем, не все. Парочка была разодета в какие-то карнавальные костюмы, изображавшие то ли

ландскнехтов, то ли... палачей, а их лица были скрыты не кашюшонами и колпаками, а нанесенным на них гримом и венецианскими полумасками. Все присутствующие на поляне негромко переговаривались между собой, но стоило им троим приблизиться, как разговоры прекратились.

Когда представители знаменитого семейства подошли вплотную, с дядюшкой пусть и молча, но весьма церемонно поздоровались, а вот на обоих молодых людей не обратили ни малейшего внимания, отчего Майкл недовольно сморщился и бросил раздраженный взгляд на Уинтропа. Тот тоже нахмурился. Никто не имел права относиться к носящим фамилию Рокфеллер столь демонстративно пренебрежительно! Но поскольку дядюшка никак на подобное не отреагировал, пришлось промолчать.

Похоже, те, кто собрался на поляне, ждали только их. Ну, или, вернее, дядюшку. Потому что молодых представителей знаменитой фамилии продолжали все так же показательно игнорировать... Поэтому сразу после того, как они трое, повинувшись очередному жесту дядюшки, отошли чуть в сторону от остальных, встав на самой опушке, рядом с факелами, действие на поляне начало разворачиваться. Люди в балахонах чуть раздались в стороны и, выстроившись двумя группами по бокам от перевернутого креста с чучелом, затянули какой-то хорал. А парочка «ландскнехтов» подхватила по канистре с розжигом и принялась поливать поленницу, сложенную у ног чучела, время от

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

времени брызгая и на него самое. И вот тут Майкл встрепенулся и озадаченно уставился на чучело.

— М-м-м... дядюшка, а тебе не кажется, что...

— Помолчи! — раздраженно рявкнул представитель старшего поколения знаменитой семьи. Юный представитель этой семьи послушно прикусил язык, при этом продолжая напряженно вглядываться в привязанную к кресту «куклу». Потому что ему показалось, что она шевельнулась.

— Человек — социальное существо, — негромко начал дядюшка. — Вне социума он — даже не животное, а... червь. Или трава. То есть просто чей-то ресурс, пища, удобрение... Но иногда встречаются те, кто думает, что они ценны сами по себе. Потому что богаты. Или умны. Или харизматичны и популярны. Поэтому они начинают нарушать правила, установленные социумом. Тем социумом, к которому они принадлежат. Но они ошибаются. Они — всего лишь куклы, которыми играют те, кто знает, как на самом деле устроен мир... — Дядюшка сделал долгую паузу, а потом внезапно заорал:

— Сжечь куклу!

И все, кто присутствовал на поляне, подхватили этот клич:

— Сжечь... Сжечь куклу! Сжечь жертву...

Один из «ландскнехтов» сделал шаг в сторону и, выдернув из держателя один из факелов, плавным движением поднес его к политым горючей жидкостью дровам. Те мгновенно вспыхнули.

— А-АААА-А-Ы-Ы-Ы-Ы! — «Кукла» внезапно полупридушенно взревела и задергалась. А Майкл

вздрогнул и бросил отчаянный взгляд на Уинтропа. Того тоже перекосило. А вот дядюшка Дэвид продолжал невозмутимо скандировать вместе со всеми:

— Сжечь! Сжечь! Сжечь! — А затем вдруг повернулся и окинул молодежь требовательным взглядом: — А вы почему молчите? Вы отделяете себя от нашего социума?

Майкл сглотнул и опять покосился на Уинтропа. Нет, они, конечно, прошли через многое — при вступлении в греческое общество любого американского университета через что только не приходится проходить. Издевательства, насилие, содомия... Особенно этим отличаются университеты Лиги плюща, к которым принадлежит и Гарвард, в каком-то они имели честь обучаться. Но вот так жесть живьем живого человека... Однако дядюшка смотрел на них очень требовательно. Так что спустя несколько мгновений и тонкий, дрожащий голос Уинтропа, и хриплый Майкла присоединились ко всеобщему хору. Дядюшка еще несколько секунд внимательно смотрел на них, а затем поощряюще улыбнулся:

— Скоро вы войдете в число тех, кто управляет жизнями миллионов, решает, кому из них жить, кому стореть в пламени взрыва, а кому медленно подыхать от голода или неизвестной болезни. Вам окажутся подвластны такие силы и ресурсы, о которых могут только мечтать главы десятков как откровенно нищих, так и... весьма развитых стран. Вашей благосклонности будут добиваться

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

знаменитейшие музыканты, художники, архитекторы, красивейшие женщины и мужчины... но я хочу, чтобы вы навсегда запомнили, что если вы однажды сделаете ошибку и пойдете против того социума, к которому принадлежите, то вы непременно кончите вот так, — тут дядюшка медленно повел подбородком в сторону горящей фигуры. — В качестве бессловесной куклы, которую, кривляясь, сожжет кучка ряженых на дурацком потешном жертвоприношении...

ГЛАВА 1

— Вы не коммунист, Марков, вы — типичный буржуазный перерожденец! Тот, кто дал вам рекомендацию в партию, должен отрубить себе руку! Или вообще застрелиться...

— Мне?! — возмутился я. — А как тогда, по-вашему, должны поступить те, кто давал рекомендацию Ельцину с Горбачевым? А также те, кто продвинул их в ЦК и Политбюро... кто заглядывал им в рот и цитировал их речи на партийных собраниях? Портреты в рамочке на стены кабинетов вешал! С ними что? Вон они сейчас — через одного в этой вашей новой КПРФ.

— Она не моя! — отрезала моя гостя. — А вы — предатель. Предатель дела коммунизма! — И она вышла из моей квартиры, гордо вскинув голову и попытавшись резко захлопнуть дверь за собой. Ну, чтобы она с грохотом врезалась в косяк. Но вот этого у нее не получилось. Потому что дверь была оборудована доводчиком... Я проводил ее угрюмым взглядом и, тяжело вздохнув, двинулся обратно в свой кабинет. Вот ведь... женщина! Таран! В прошлой жизни я не был с ней знаком. Только читал о ней.

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

Тринадцатого марта восемьдесят восьмого года она опубликовала в газете «Советская Россия» статью под названием «Не могу поступаться принципами», тут же объявленную «манифестом антиперестроечных сил». Но к тому моменту все уже носились с перестройкой, как хохлы с майданом, так что Андрееву тут же принялись показательно гнобить. Причем не только экзальтированная интеллигенция, принявшая перестройку, так сказать, всем сердцем, но и высшее партийное руководство. Сама газета «Правда» — главный рупор ЦК КПСС — меньше чем через месяц опубликовала на первой странице развернутую редакционную статью «Принципы перестройки: революционность мышления и действия», в которой напрочь разгромила все, о чем писала Нина Александровна. После чего нападки на нее посыпались со всех сторон. Но она не сдалась, а попыталась перейти в наступление, сформировав и возглавив «Большевистскую платформу в КПСС», одной из задач которой, как было объявлено летом 1991 года, стало «привлечение М. Горбачева и его окружения к партийной ответственности за развал КПСС, Советского государства, за предательство дела Ленина, Октября, международного коммунистического и рабочего движения». Но-о... не успели. Да, впрочем, и не смогли бы. Развал к лету девяносто первого дошел уже до такого предела, что даже вооруженный путч августа 1991-го ничего не смог сделать. Танки на улицах ничего не решили — чего уж там какая-то «платформа в КПСС»...

— Есть будешь? — негромко поинтересовалась жена, выглянув из кухни. Я отвлекся от своих мыслей и, повернувшись к Аленке, криво улыбнулся. Да уж... наворотил я со своим букетом в морду Ельцину! Вся наша жизнь полетела вдребезги кувырком. Во-первых, нам тут же зарезали весь бизнес. На издательство мгновенно обрушились сплошные проверки, сразу после начала которых наши счета были арестованы, валютный счет закрыт, а все перечисления от контрагентов приостановлены. Во-вторых, на меня лично набросилась вся либеральная свора, которая здесь и сейчас была как раз в самой силе. Если верить тому, что публиковали про меня самые мейнстримные СМИ, я был той еще сволочью... настоящим ублюдком, с детства мечтавшим полизать сапоги Сталину и всю жизнь страдавшим от того, что родился слишком поздно для этого. А также безжалостным палачом, лично расстреливавшим афганских женщин, детей и стариков, причем делавшим это с публично демонстрируемым удовольствием и без какого бы то ни было повода. Вот просто нравилось мне это... Ну и, до кучи, заядлым интриганом, который с помощью ЦК КПСС и ЦК комсомола добился того, что многие достойные спортсмены были отодвинуты в сторону, а мне, ну вот совершенно незаслуженно, то есть с подтасовками и «идеологическим судейством», была вручена олимпийская медаль, которую надо непременно, сейчас же, пока нас не прокляло все прогрессивное человечество, отобрать напрочь. Боже, и эти люди боролись с «телефон-

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

ным правом» и требовали от коммунистов обеспечить всеобщее равенство перед законом! А когда дорвались даже не до власти, а до того уровня, когда посчитали себя вправе озвучивать советы этой самой власти, тут же превратились в таких же точно «партийных секретарей». Только гораздо более безапелляционных и истеричных... Впрочем, для меня в этом не было никакой неожиданности. Я в том самом покинутом мной будущем сполна насмотрелся на всех этих «Вы не понимаете — это другое!». А вот Аленка переживала. И сильно.

— Пока нет. — Я слегка замялся: — Я пока в кабинете буду, поработаю...

— Хорошо.

Закрывшись в кабинете, я сел за стол и обхватил голову руками. И что теперь делать? Нет, этот год мы продержимся. И деньги есть, и запасов наделано достаточно, и одеждой/обувью мы обеспечены. Если только детям чего прикупить потребуется. Растут же... Но дальше-то что? По моим планам именно девяностые должны были стать для меня тем временем, когда я заработаю основной капитал. И если бы не мой идиотский поступок — все было бы нормально. Я успел неплохо раскрутиться, заработать имя, создал свое собственное издательство, сформировал пул авторов, причем как из числа уже известных, так и тех из молодых, кто должен был вот-вот «выстрелить». Те самые «новые имена», которые прогремели в девяностых — начале двухтысячных. Которые переиграли на внутреннем рынке даже признанных корифеев

фантастики — американцев с англичанами. Но теперь все эти планы оказались напрочь похерены. Да еще и — как будто этого было мало — мой поступок внезапно сделал меня этаким знаменем всех уже даже не антиперестроечных и антидемократических, а антиельцинских сил. И если сразу после произошедшего эти силы были слабы и очень разрозненны, то, когда с началом девяносто второго отпустили цены, мгновенно устремившиеся прямо-таки вертикально вверх, они воспряли, сплотили ряды и ринулись в контратаку на «антинародную власть». Но пока еще их лидеры не набрали достаточно авторитета, чтобы составить реальную конкуренцию Ельцину и его клеветам. Потому-то им и требовался кто-то типа меня. Знамя. Символ. При том что никакой реальной возможности влиять на ситуацию мне никто предоставлять не собирался. То есть мне отводилась роль исключительно «легионного орла», которому вставят в жопу палку и вознесут вверх чьи-то совершенно посторонние руки... Впрочем, я и сам отнюдь не рвался в политические лидеры. На хрен эту свару! Я — писатель. У меня это получается лучше всего, мне это нравится — вот и стоит заниматься именно этим. А оставшееся от работы время лучше тратить на общение с семьей и путешествия.

В том будущем, которое ныне осталось только в моей памяти, я буквально болел путешествиями. Ездить, ну, по-серьезному, мы тогда начали куда позднее — в начале двухтысячных, однако за время, пока позволяло здоровье, успели побывать в более

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

чем семидесяти странах. Больше всего покатались по Европе, конечно... причем, считай, половину проехали, так сказать, «дикарями». То есть на своей машине, самостоятельно планируя маршрут, ночевки, время пребывания в том или ином городе и так далее. А во многих побывали не по одному разу. Особенно нравились Греция, Австрия, Германия, не раз бывали в Венгрии, Сербии, Италии, Испании, Франции. Кроме Европы, добрались и до Австралии, Китая, США, Индии, Перу. Короче, отметились на всех материках, кроме Антарктиды. Но в новой жизни я собирался устранить и этот недостаток. Ну и как я все это сумею воплотить в жизнь, если займусь политикой? Так что на хрен...

Однако чем дальше, тем поток «паломников» от разных политических сил, пытающихся затащить меня в свои ряды, становился только больше. Потому что буквально с каждым прожитым днем до все большего и большего числа граждан бывшего СССР начинало доходить, что происходит что-то не то. Что власть где-то лажает. Да и они сами где-то накосячили. Потому что ну не может же машина, которая вот буквально вчера стоила всего чуть более десяти тысяч рублей... ну пятнадцать, даже двадцать, если с рук, сегодня стоит уже сто пятьдесят. А бутылка пива вместо рубля (и это после всех повышений, до них пол-литра «Жигулевского» вообще стоило 22 копейки) — десять! Ну не бывает так! Однако же вот, случилось... И самое страшное — на этом цены не остановились, продолжая расти. Причем все быстрее и быстрее.

Сейчас, к концу февраля, тот же десяток яиц, после Нового года уже скакнувший в цене с где-то максимум трех рублей до десяти, дорос уже почти до пятнадцати. И это всего за пару месяцев! Так что едва только первоначальный шок от подобной «демократизации» начал проходить, среди людей началось натуральное «бурление говна». И еще недавно гордым «защитникам Белого дома», в каковые сразу после «путча» записалось едва ли не триста тысяч человек, кое-где уже начали потихоньку бить морды. Но всем было понятно, что самое главное еще впереди...

Посамобичевавшись некоторое время, я включил свой старенький, привезенный еще из Таллина комп, и открыл файл. Как бы там ни было — работу надо работать. Где и когда я опубликую то, что сейчас пишу, — хрен его знает, но дело есть дело. К тому же сейчас ситуация в стране будет меняться так резко, что я скоро точно выпадю из списка главных врагов. Даже если в нем нахожусь. Что совсем не факт... А там, глядишь, все потихоньку и наладится. Ну где я — и где, скажем, те же Хасбулатов с Руцким? Это ведь сейчас они с Ельциным и его кликой друзья — неразлейвода, а пройдет еще пара лет — и тот будет этих своих нынешних друзей из танков расстреливать. И какое кому дело тогда будет до скромного писателя Ромы Маркова?

Но работа как-то не пошла. Я сидел, тупо пялясь в экран и злясь на себя. И ведь вроде знаю, о чем писать, сюжет давно разработан, и вообще — эта книга была уже мной один раз написана. Ну, в про-

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

шлой жизни. А вот здесь и сейчас не складываются мысли в слова и предложения, хоть убей...

Я раздраженно выключил комп и пододвинул стопку газет, которых понавывписывал почти десяток — «Известия», «Правда», «Советская Россия», а также «Общая» с «Независимой». Были у меня мысли поподробнее отследить все перипетии перехода страны от «уставшего социализма» к «одичалому капитализму». А ну как на старости лет сподобюсь мемуары написать? В прошлой жизни такие мысли витали, даже файл сделал под это дело, но когда начал пытаться работать — выяснилось, что почти ни хрена не помню... Раскрыв «Известия», я начал бегло просматривать первый лист. Блин, ну вот кто так новостную ленту формирует? Бардак и хаос! Все обо всем и всего понемножку. Как же не хватает Интернета! А с другой стороны, в том, чтобы взять в руки хрустящий газетный лист, есть свой шарм...

В основном газеты были наполнены полной мурой — всякие там интриги, скандалы, расследования, разоблачения. Кроме того, существенную часть полос занимали рекламные объявления, среди которых была масса предложений различных гадалок, потомственных ясновидящих и наследных магов с ведьмами, ищущих людей по фотографиям, снимающих порчу, венец безбрачия, кодирующих от алкоголизма и заклинающих «на деньги». Читать все это было довольно омерзительно. Эх, где вы, волшебные файлы cookie, отсекающие большую часть всей этой мути...

Естественно, идеологическая направленность у газет была абсолютно разная — «Правда» и «Советская Россия» всюю обличали «антинародную власть», а «Общая газета» вместе с «Независимой» все так же яростно боролась со «сталинизмом», радуя читателей успехами на этом поприще, а также с гордостью повествовали о подписании новых меморандумов о сотрудничестве с фирмами из «передовых демократических стран», которые непременно приведут к уже совсем скорому бурному росту экономики и повышению уровня жизни, а также и зарплат с пенсиями до уровня этих самых демократических... Если честно, сам я о том, что писала пресса в девяностые, до этого помнил смутно, но вот то, насколько тон и содержание местной прессы перекликались с тем, что писалось у хохлов после их Евромайдана, просто приводило в оторопь. Просто один в один!

Одной из международных новостей был скандал с Украиной. И вот о нем я читал довольно внимательно.

Как выяснилось, простой обратной передачей Крыма в состав РСФСР дело не ограничилось. Дело оказалось в том, что с прошлого лета с территории Украины начали активно вывозить ядерные заряды. Но, как выяснилось, отправку ядерных зарядов на территорию России на Украине отслеживали. С помощью «офицеров-патриотов Украины», как писала украинская пресса... И не только отслеживали, но и как могли препятствовали подобной отправке. Причем на всех уровнях. От ЦК КПУ

и местного КГБ до распропагандированных военных на местах. И одним из способов такого противодействия было как раз перенаправление вагонов с контейнерами, в которые были упакованы боеголовки, вместо России в арсеналы Черноморского флота. Крым же це Украина! Да и Севастополь весь конец восьмидесятых киевская власть очень активно пыталась подгрести под себя. Хотя официально он был городом союзного подчинения и напрямую Киеву не подчинялся. А тут оп — и Крым передали в состав РСФСР! После чего все «зачащенное» хитрыми хохлами в арсеналах ЧФ оказалось под юрисдикцией России. Вследствие чего на территории, подконтрольной Киеву, осталось всего около полутора сотен ядерных зарядов. Разных. От боеголовок стратегических ракет 43-й ракетной армии, которая как раз в данный момент находилась в процессе расформирования, до довольно старых ядерных снарядов для восьми и шестидюймовых гаубиц. А я смутно припоминал, что в моей реальности американцы с немцами заставили украинцев отдать в ельцинскую Россию где-то более двух с половиной тысяч ядерных боеголовок и иных зарядов. Потому что им вот ну совсем не нужна была в Европе еще одна ядерная держава. Даже более-менее им послушная... Несмотря на то что в тот момент украинцы еще числились адекватными. И даже более того — наиболее перспективными среди всех постсоветских республик. С наиболее развитыми промышленностью, образованием, сельским хозяйством и наукой! Так

что по поводу Украины все западные или прозападные экономисты (а других сейчас никто и не слушал) высказывались в превосходной степени. Именно в это время как раз и появились украинские мрии о второй Франции! А вот по поводу России все было не столь однозначно... Причем за эту передачу новая, свободная Украина еще и поимела довольно солидные плюшки с России. Американцы же с немцами, как обычно, обошлись похлопыванием по плечу и фальшивыми улыбками... А тут такой афронт. Вот часть украинской прессы и подняла бучу. То есть, вернее, часть украинской элиты. Из наиболее свидомых. Пресса — это ж только инструмент...

Кроме того, украинцы жаловались, «проклятые москали» за последние полгода перегнали в Россию большое количество авиатехники. Причем, от ведь гады такие, самую современную забрали... На мой взгляд, это уже было излишним. Все равно даже ту, что уже и так имелась на вооружении армии России, в полном объеме содержать не получится. При вошедшей в пике экономике-то... Так что и эту «новую и современную» по большей части раньше или позже просто порежут на металлолом. Ну, или она сгниет на временных стоянках. Но, увы, моего мнения никто не спрашивал.

Отложив газеты, я повернулся к компу и решительно нажал на клавишу отключения. Все равно работы сегодня не будет... Комп, мигнув голубой табличкой Norton Commander, послушно потух. Я встал и подошел к окну. Внизу загоралась ве-

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

черными огнями Москва. Наша квартира располагалась на восемнадцатом этаже, поэтому вид из окон был потрясающим. Особенно ночью. Ночь скрадывает большинство недостатков — грязь, обшарпанные фасады, дыры на асфальте и разбитые бордюры, ржавые разводы на крыльях машин. После наступления темноты рассыпаются стихийные рынки у входов в метро, на которых толпы людей торгуют чем ни попадя — от поношенной одежды и стоптанной обуви до паленой водки и сигарет поштучно... И я знал, что чем дальше, тем все будет становиться только хуже. Дыры на асфальте будут множиться, а стихийные рынки у метро — разрастаться.

Дверь тихо распахнулась, и в проем просунулась головка моей любимой:

— Ром! Тут к тебе пришли.

— Американец? Журналист?

— Говорит, канадец, — несколько взволнованно уточнила Аленка. Несмотря на все наши путешествия, в ней пока еще был жив тот советский пietet перед «заграницей». А может, и благодаря им. Я помню, в какой шок она пришла после первого посещения французских магазинов. Особенно продуктовых. Причем самым большим впечатлением для нее оказались вовсе не пресловутые «сто сортов колбасы», а ягоды. Видели бы вы, в каком изумлении она была, рассказывая мне:

— Я спросила, когда у них появляется свежая голубика — так продавец сказала: «Обычно к семи утра!» — Увы, в СССР даже мандарины, которые

вполне выращивались на территории страны, в большинстве магазинов, как правило, появлялись на пару недель перед Новым годом. Потому-то у тех, кто вырос в Советском Союзе, запах мандаринов ассоциируется с новогодними праздниками...

Я вздохнул и, развернувшись, в два шага вернулся к рабочему столу.

— Проводи его ко мне.

Второй, и последний на сегодня гость был для меня самой большой загадкой. Его появлению предшествовал телефонный звонок с незнакомого номера. В последние три месяца я на подобные звонки предпочитал не отвечать, потому что большинство из них оказывалось звонками от всяких уродов, неизвестно каким образом доставших мой номер и горящих желанием высказать мне все свое возмущение тем, каким образом я обошелся с их кумиром и Великим Героем, свергнувшим Страшную и Кровавую Советскую Гидру. Именно благодаря подобным звонкам я раскошелился на покупку весьма недешевого ТАОН... Но этот абонент оказался весьма настойчив, хотя и деликатен. Что выразилось в том, что он набирал мой номер всего по паре раз в день. Так что день на пятый я решил рискнуть и взять трубку. И вот теперь ломал голову над тем, правильно ли поступил...

Американо-канадец оказался обаятельным, улыбчивым дядькой лет сорока пяти со шкиперской бородкой, одетым в щегольской клубный пиджак и чистые, аккуратные классические «ливайсы». Ну те самые — с пуговицами для пристегивания подтяжек.

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

— Добрый день! Очень рад личному знакомству. Я — Эл Джейк Ронсон, корреспондент «Чикаго геральд». Позвольте выразить вам благодарность за то, что вы согласились встретиться со мной!

— М-м-м... Ну, меня вы, естественно, знаете — Роман Марков, писатель, — осторожно отозвался я. Нет, поймите меня правильно — мужик был очень обаятельный и харизматичный, но-о-о... именно это и настораживало. Какого хрена ему от меня надо? Тем более что, как я сумел разузнать, «Чикаго геральд» не имела своего репортерского бюро в Москве, поскольку была почти исключительно «внутренней» газетой. Нет, парочку-тройку представительств за рубежом она имела — в Лондоне, Франкфурте-на-Майне и вроде как в Париже. Поскольку ее аудитории новости из-за пределов США были интересны очень ограниченно. Из финансовых центров Европы и столицы моды — да, но и только. А на весь остальной мир читателям «Чикаго геральд» было совершенно плевать. Их и дома неплохо кормили... Какого хрена корреспондента подобного издания занесло в Москву — мне было совершенно непонятно. И, каюсь, именно это недоумение послужило одним из основных поводов для того, чтобы я согласился встретиться с этим самым мистером Ронсоном...

Интервью прошло... странно. Нет, мужик вел себя просто великолепно — улыбался, шутил, даже рассказал пару анекдотов. Один русский, а другой австралийский. Про новозеландцев. Новозеландцы в Австралии такие же типичные герои анекдотов,

как чукчи в России и поляки в Америке... И никаких бегающих глазок, скользких улыбочек и всего такого прочего. Пряма душа! Но ощущение от встречи было очень неоднозначным. Чего ж он так пытается меня обаять-то?

Впрочем, одним интервью дело не закончилось. После его формального окончания журналист нагло напросился «на чай». Впрочем, «нагло» — это мой личный вывод, сделанный, опять же, на основании опыта моей очень долгой жизни. Я ж только внешне выглядел молодым человеком творческой профессии двадцати восьми лет от роду, склонным к эмоциональным поступкам и только что столкнувшимся с жесткими последствиями своих спонтанных действий. Но я-то был тем, кем был — старым пердуном, прожившим довольно бурную жизнь и дожившим аж до восьмидесяти девяти лет, сознание которого перенеслось обратно в его же четырехлетнюю тушку, после чего я по новой прожил уже двадцать четыре года. То есть сейчас мне было... восемьдесят девять плюс двадцать четыре — сто тринадцать лет. Нехилый жизненный опыт, не так ли? Причем весь этот опыт был «упакован» во вполне себе молодые мозги без каких бы то ни было признаков склероза и сенильной, то бишь старческой, деменции! Так что то, что я считал «наглым», для самого Ронсона могло выглядеть вполне привычной и десятки раз осуществленной манипуляцией... Подтверждением этому могло послужить то, что даже Аленка, обычно инстинктивно настороженно относившаяся к лю-

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

бым новым людям в нашем окружении и всегда, со времен еще прошлой жизни, поучавшая меня поменьше открываться, не видеть в каждом новом знакомом потенциального друга и не болтать лишнего, не раскрывать душу почти незнакомым людям, и то слегка поплыла и польщенно разулыбалась. Ну, когда журналист восторженно похвалил ее фирменную «шарлотку» и сделал пару комплиментов по поводу детей. Они с нами за столом не сидели, но когда мы с корреспондентом покинули кабинет — выскочили из своих комнат, заинтересованно блестя глазками... После чего он вновь вернулся ко мне.

— Знаете, Роман, — задумчиво произнес он, несколько картинно поигрывая чашкой с остатками чая, — вы очень интересный человек. Нет, понятно, что человек с подобной биографией не может быть неинтересным, но, признаюсь честно, из двух с половиной сотен интервью, которые я взял за двадцать пять лет своей репортерской деятельности, настолько интересных, как наше с вами, у меня было дай бог полтора десятка. Можете мне поверить — вы поразительно обаятельны!

Я тут же напрягся. К чему эти комплименты? Обычно, когда незнакомого (ну ладно — малознакомого) человека начинают подобным образом заваливать комплиментами, это означает, что его точно собираются как-то развести. Нет, будь я тем, кем кажусь, избранная мистером Ронсоном тактика сработала бы со стопроцентной эффективностью. Но я-то был другим.

— Спасибо, — отозвался я, добавив, впрочем, в голос нотки самодовольства. Попробую продемонстрировать ожидаемые реакции. Ой, чую, основной целью этого визита было отнюдь не интервью, а то, что будет озвучено именно сейчас. Типа похода. Между делом...

— Кстати, мне тут пришла в голову интересная мысль! — Мистер Ронсон оживился и упер в меня доброжелательный взгляд: — Как вам идея ненадолго уехать из России?

Я едва не поперхнулся. Дело в том, что такой вариант рассматривался. Только чуть попозже. Когда все подухнет... Потому что, даже если наше издательство разгромят, сажать меня вроде как не за что. Ну, по справедливости если. Хотя... где справедливость и где наши «демократы»? Нет, и при коммунистах с этим дело было не очень, а все наши самые видные «демократы» выходцы как раз оттуда — если не сами из членов ЦК, то отцы-дедушки из таковых. Ну, либо как минимум из обласканной советской властью «красной профессуры»... Но того, что началось, когда к власти пришли «радетели за народ», даже наших дедов с их «революционной целесообразностью», пожалуй, в оторопь ввело бы! Так что, как гласила русская народная пословица — ни от суммы, ни от тюрьмы зарекаться не следовало. Хотя я надеялся, что до этого не дойдет — бизнес разгромят, публикации перекроют, но сажать не будут. Незачем ко мне еще больше внимания привлекать. Это не на них, а против них сработает. Особенно сейчас, пока они все

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

стараются делать хотя бы внешне «демократично». Это после расстрела Белого дома танками ни нашим «демократам», ни их кураторам из-за океана уже стесняться будет нечего, а пока...

— М-м-м... да мы вроде как и так собираемся, — осторожно ответил я.

— Вот как? — удивился мистер Ронсон. — И от какого университета вам поступило предложение?

— В смысле? Какое предложение? — недоуменно переспросил я. Американско-канадец в ответ уставился на меня не менее озадаченно. Но спустя несколько мгновений в его глазах мелькнуло понимание, и он облегченно рассмеялся:

— А-а-а... так вы говорите об обычной туристической поездке? Ха-ха-ха-ха... нет, когда я говорил об отъезде, я имел в виду нечто совершенно другое. — Мистер Ронсон с доверительным видом наклонился ко мне: — Как вы смотрите на то, чтобы поработать в США?

— Я?

— Ну да! — Он обезоруживающе улыбнулся: — Дело в том, что у меня есть друзья в Монтане. И предметом их большой заботы является Колледж Западной Монтаны. Весьма уважаемое заведение, расположенное в очень тихом и уютном городке Диллон. Так вот — один из них не так давно жаловался мне на то, что никак не может найти преподавателя на курс русской филологии, который они собираются открывать с начала будущего учебного года. Ваша страна сейчас очень популярна в Соединенных Штатах, знаете ли... мода на «что-то

русское» захватила многие университеты. Так что и попечительскому совету колледжа пришлось озаботиться тем, чтобы не отстать от современных тенденций. — Тут мистер Ронсон весело рассмеялся, причем так заразительно, что мы тоже разудыбались. Несмотря на все ошеломление подобной новостью.

— Эм-м... — несколько недоуменно начал я, когда все отсмеялись, — это хорошо, рад за попечительский совет, но какое это имеет отношение ко мне...

— Ну вы же писатель! — как само собой разумеющееся, заявил репортер. — Кому еще преподавать филологию, как не человеку, так глубоко погруженному в русский язык, как вы?

— Ну, я бы с этим утверждением поспорил.

— К тому же вы — довольно известная личность с богатой биографией и, кстати, не так давно отметившаяся весьма неординарным поступком. Уверяю вас, если я позвоню друзьями и предложу вашу кандидатуру — они ухватятся за нее обеими руками. Заполучить в преподаватели фигуру, подобную вам, — отличный способ, кроме всего прочего, получить громкий PR и заставить вспомнить о существовании колледжа даже федеральную прессу. Чего попечительскому совету и руководству колледжа не удавалось добиться уже более десяти лет, — и Ронсон снова заразительно рассмеялся. Мне же было не до смеха. Черт, черт, черт! Подобное предложение — это прямо «мене, текел, фарес». То есть «измерено, взвешено, оценено»...

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

То есть кто-то, вряд ли ЦРУ или Госдеп, скорее некий Think Tank из числа тех, что обеспечивают «осваивание» ресурсов распавшегося СССР в интересах неких частных корпораций, его финансирующих, обратил на меня внимание и, проведя анализ, оценил меня чуть иначе, чем упомянутые госструктуры. После чего было решено вывести меня из будущих раскладов путем удаления из, так сказать, «точки кристаллизации». То есть из Москвы. Ну и из России в целом... Хорошо это или плохо? В общем — однозначно плохо. Я привлек внимание, попал в расчеты и учеты людей, занимающихся политикой, то есть стал некой фигурой на доске, за которой кто-то будет присматривать. Очень плохо... Но и в чем-то хорошо! Потому что я пока, скорее всего, не в государственных учетах, а в таких... частных. Для Америки это характерно. Это у нас все «агенты» непременно под КГБ и ГРУ. То есть под некими государственными структурами с соответствующими ресурсами. А в Америке с этим дела обстоят по-другому. У них таких структур, «играющих» на политическом поле по всему миру, намного больше. Но зато и ресурсы у них поменьше. То есть в целом больше, конечно, но поскольку они, так сказать, «размазаны» по гораздо большему числу «контрагентов», каждой такой структуре достается меньше... Вернее, большинству таких структур. Но та, с которой сотрудничает вот этот конкретный репортер (если он вообще в первую очередь репортер), скорее всего, из достаточно мелких. Судя по предложению... Не Гарвард

же предложил и не Стэнфорд с Массачусетсом, а какой-то левый колледж в одном из самых бедных штатов США... А с другой стороны, пропасть на некоторое время из фокуса зрения очень сердитых на меня местных либералов и властных структур — вполне выход. Ну, если парень сможет обеспечить обещанное. Так-то мой заграничный паспорт сейчас по-любому в «стоп-листе». Именно поэтому мы пока еще лишь «собирались» съездить во Францию, а не уже паковали чемоданы...

— М-м-м... предложение интересное, но, к сожалению, вряд ли выполнимое. Понимаете, после моего... э-э-э... несколько спонтанного поступка на мой паспорт, вероятно, наложен...

Мистер Ронсон внимательно выслушал меня и озадаченно кивнул:

— Да, это проблема... — Он задумался, но спустя всего полминуты снова улыбнулся: — Но, как мне кажется, решаемая. Как выяснилось при нашей первой встрече, мы с мистером Страусом болеем за одну и ту же бейсбольную команду. И любимый сорт сигар у нас один и тот же. А ничто не сближает людей больше, чем одни и те же предпочтения в сигарах. Разве только предпочтения в сортах виски... — И репортер снова заразительно рассмеялся. — Поэтому я надеюсь, что он отнесется к моей скромной просьбе достаточно благосклонно, чтобы доставить себе заботу обратиться к вашим властям насчет разрешения этого маленького недоразумения. — Тут мистер Ронсон вскинул руки: — Нет, гарантировать, конечно, ничего нельзя. В конце кон-

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

цов, Россия — суверенная страна, но-о-о... у наших стран сейчас просто великолепные отношения. Так что шанс на то, что к просьбе посла США в ваших государственных органах отнесутся с повышенным вниманием, очень неплохой.

— Тогда... — Я сделал паузу, после чего ответил не совсем так, как собирался: — Мне надо подумать.

— Оу, я понимаю, — репортер вскинул руки в шутовском жесте. — Подобные изменения в жизни, конечно, стоит делать, все хорошенько обдумав... Но, что бы вы ни решили, я очень рад знакомству с вами и вашей очаровательной супругой. Так что, как бы там ни было, надеюсь на повторение нашей встречи и искренне прошу считать меня вашим другом...

Когда за репортером закрылась дверь, Аленка подняла на меня изумленные глаза и, сглотнув, спросила:

— Ром, так это мы что — в Америку переедем?